

К ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ

История сложения коллекционного собрания МАЭ по культуре и этнографии казахов неразрывным образом связана и с историей России, и с историей Казахстана XVIII – начала XX в. Эти коллекции музея — свидетельство как напряженной собирательской работы, которая на протяжении многих лет велась российскими учеными, так и плодотворного взаимодействия музея с многими представителями казахской интеллигенции. После знаменитых «музейных указов» Петра, предписывавших передавать в Кунсткамеру «все, что зело старо и необыкновенно», наш музей собирала практически вся страна.

Цель настоящего очень краткого обзора — представить наиболее интересные, на мой взгляд, коллекции казахского собрания МАЭ (свыше 1100 единиц хранения). Особенность этого собрания состоит в том, что в нем представлены коллекции, связанные с этнографией самых различных локальных групп казахов, живших как в пределах Российской империи, так и за ее рубежами. Исследование казахского собрания продолжается, готовится публикация развернутого и богато иллюстрированного каталога¹, который, как я искренне убежден, позволит увидеть много интересного и в коллекциях, не упомянутых в настоящем обзоре.

І. Предметные коллекции

Как мы видели, первые экспонаты с территории современного Казахстана оказались в Кунсткамере (точнее — в Кабинете Петра Великого) уже в 1716 г.² Труд Осипа Беляева (1800 г.) подробно описывает восковую фигуру казаха (по старой терминологии, «киргиза») в национальном костюме, которая стояла на экспозиции, и дает краткие сведения по традиционной мужской и женской одежде казахов³. Первый хранитель музея Федор Карлович Руссов (1826–1906) упоминал поступление в 1806 г. в музей «киргизской шапки», а в 1856 г. — предметов по этнографии казахов от академика Л. И. Шренка⁴.

В 1886 г. Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936), известный географ и путешественник, привез для Этнографического музея РГО⁵, собрания которого были переданы в МАЭ, коллекцию посвященную быту казахов⁶ (рис. 1–3). В 1891 г. из РГО в МАЭ поступила коллекция от Чингиза Валиханова⁷, отца казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова. Из этой коллекции сохранились лишь кожаные ножны, украшенные металлическими пластинами⁸ (рис. 4–6).

В 1899 г. в ходе передачи коллекций из РГО в МАЭ поступила небольшая коллекция предметов быта и оде-

Рис. 2. С. М. Дудин.
Железный шлем, барабан
без перепонки и сосуд
для кумыса.

Фотоотпечаток, 16,5 × 23,5 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–289

Рис. 3. С. М. Дудин. *Торсык* —
кожаный мех. Фотоотпечаток, 5,0 × 11,5 см.
1899 г. МАЭ РАН, № 1199–490

Рис. 1. Сосуд для кумыса (*торсык*) из конской кожи, секирообразной формы, с заостренными рогообразными боковыми выступами. Основание овальное, орнамент тисненый, геометрического характера. Горловина высокая, оправлена металлом. По бокам горловины расположены металлические скобы с кольцами, куда продет шнурок из конского волоса для подвешивания сосуда.

Высота 27,0 см; ширина по боковым выступам 19,5 см; диаметр дна 10,3 см; диаметр горловины 3,5 см. Кожа лошади, волос конский, металл. Выделка кожи, тиснение, шитье, клепка. Центральная Азия. Собиратель Г. Е. Грум-Гржимайло, поступление 1886 г. МАЭ РАН, № 781–2.

Фото С. Б. Шапиро

Рис. 4. Ножны (*кынап*) без ножа. Выкроены по форме лезвия ножа, повторяя выемку в носовой его части. Места сшива ножен соединены для прочности и украшения металлическими штампованными бляшками. Из полос боковой кожаной обшивки на конце ножен образуется небольшая кисточка. Петля для крепления ножен на поясе сделана из той же кожи, пришита к ножнам и украшена такими же металлическими бляшками. Верхняя часть ножен обшита куском шагреновой кожи. Всего бляшек 13 шт. (шесть на петле; одна на верхней части ножен, крепит шагрень; шесть на ножнах). Общая длина 42,0 см; длина ножен 26,0 см; охват вверху 9,0 см; охват в средней части 8,5 см; охват в нижней широкой части 6,5 см. Кожа, металл, бронза. Выделка кожи, шитье, штамповка. Казахстан, Акмолинская обл., Кокчетавский уезд, последняя четверть XIX в. Источник поступления: Императорское Русское географическое общество. Собиратель Чингиз Валиханов, поступление 1891 г. МАЭ РАН, № 618–1. Фото С. Б. Шапиро

Рис. 6. Мужчины в традиционных костюмах (фрагмент)

Рис. 5. С. М. Дудин. Мужчины в традиционных костюмах. Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–72

Рис. 7. Пояс кожаный (*кисе*), из дубленой кожи, с прикрепленными к нему на кожаных ремешках сумкой (438–4b), двумя идентичными кожаными подвесками (438–4с, 438–4d) и ножнами (438–4f). Пояс изготовлен из желтой кожи, украшен тисненым орнаментом. На концах пояса — серебряные с чеканным орнаментом накладки: одна из них имеет крючок, на который застегивается пояс. Крючок закрепляется за круглые отверстия в поясе, обрамленные с двух сторон пояса серебряными розетками. Сумка из тисненой желтой кожи (438–4b) была прикреплена к поясу на двух ремешках подвесках. Сумка состоит из двух отделений: меньшего внутреннего и большого наружного. Края сумки окантованы зеленой шагренью. Две идентичные кожаные подвески (438–4с, d), стилизованные под дробовицы, подвешены на ремешках длиной 15,0 см. Подвески имеют округлую форму, заостренную книзу и выпянутую в длинное узкое горло сверху. Сделаны они из коричневой тисненой кожи, окантованы зеленой шагренью. Ножны выполнены из той же коричневой кожи, украшены тиснением и аппликацией из зеленой шагрени, а также кожаной подвеской в виде кисти. 438–4а: длина (общая) 173,0 см; ширина (пояса) 3,0 см.; 438–4b: длина (наружной сумки) 24,0 см, ширина (наружной сумки) 16,0 см, длина (внутренней сумки) 19,5 см, ширина (внутренней сумки) 13,5 см.; 438–4с, d: длина (общая) 18,0 см, длина (круглого тела подвески) 10,5 см, длина (горла подвески) 5,5 см; ширина (круглого тела подвески (наибольшая) 10,5 см; 438–4f: длина 19,0 см; ширина (наибольшая) 2,3 см. Кожа коровы домашней выделанная, шагрень, серебро, нить из растительного волокна, краска. Выделка кожи, шпивание, тиснение, чеканка, крашение. Казахстан, середина XIX в. Источник поступления: Русское географическое общество (от султана области Оренбургских киргизов Мухаммед-Гали Тяукина, через П. И. Небольсина), поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 438–1. Фото С. Б. Шапиро

жды казахов Алтая, в том числе старинный мужской пояс (рис. 7–8). В сумку пояса вложена записка собирателя: «Киргизская калта. Ременной пояс⁹ с сумкой, ножом и кожаными дробовницами. Доставлена П. И. Небольсиным¹⁰ от султана области Оренбургских киргизов Мухаммед-Гали Тяукина»¹¹. Облик этого незаурядного человека сохранен одной из фотографий нашего собрания (см. ниже, рис. 10). В этой же коллекции хранится ковш, сплетенный из корней растения, работы алтайских казахов¹². В 1893 г. от выдающегося тюрколога Николая Федоровича Катанова (1862–1922) поступила небольшая коллекция, собранная среди казахов Семиреченской области¹³.

В 1896 г. в МАЭ поступила коллекция казахских предметов от императора Николая II. Эту коллекцию он привез из путешествия по Востоку в 1890–1891 гг., которую совершил в статусе цесаревича¹⁴. Ниже мы приводим без купюр полный текст того фрагмента связанного с этим путешествием официального издания (это изданные в Лейпциге огромные фолианты, обтянутые кожей, с золотым тиснением), который посвящен посещению Николаем казахского аула близ Омска. Это исторический документ, который при всей помпезности официального изложения передает не только саму атмосферу события, но и множество интереснейших деталей, связанных как с коллекцией, переданной Николаем в МАЭ, так и с эпохой в целом¹⁵:

«Отъезд Его Императорского Высочества государя Цесаревича из г. Омска, для посещения киргизского аула¹⁶, был назначен 15-го июля в три часа дня, так что киргизы могли ожидать Высокого Гостя около четырех часов.

С утра уже все было готово к приему Его Императорского Высочества, и большая часть киргизских депутатов разodelась по-праздничному. Весь путь, по которому ожидалось шествие Высокого Гостя, от пристани, был устлан коврами. Ими же была покрыта украшенная флагами беседка с террасами и все юрты аула (кроме беднейших), причем лучшие ковры киргизы заботливо стлали по пути следования Его Императорского Высочества.

Рис. 8. С. М. Дудин. Два кожаных пояса *кисе* и войлочная вышитая шапка. Фотоотпечаток, 16,5 × 24,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199-272

Уже с трех часов дня все возвышенные и выдающиеся места аула были заняты киргизами, нетерпеливо ожидавшими появления парохода. В начале четвертого часа показался пароходный дым на реке Иртыше, со стороны города. Вся находившаяся в ауле масса киргиз собралась на берег и следила за движением показавшегося парохода. Это был пароход с гостями из Омска и дамами омского общества. Потом пришел другой пароход уже не обративший на себя особого внимания степняков, потому что сделалось известным, что Государь Цесаревич изволит пожаловать на третьем пароходе, окрашенном в белую краску.

Как только вдали показался белый пароход, нетерпеливо ожидавший Высокого Гостя народ стал стекаться к берегу. Особенно густые массы киргиз собрались к шпалерам одетых в жалованные халаты и лучшие одежды депутатов. Степняки со вниманием следили за каждым движением украшенного флагами белого парохода и, как только он стал приближаться к пристани, устроенной против аульной беседки, дружное, несмолкаемое “ура”! и “мах-раба”!¹⁷ киргизов огласило воздух.

Плавно и тихо подошел к пристани белый пароход “Николай”, которому выпало на долю счастье служить помещением для Государя Цесаревича во время путешествия Его Императорского Высочества от г. Томска, по рекам Оби и Иртышу, до г. Омска. Ровно в четыре часа дня пароход остановился у пристани киргизского аула и Государь Цесаревич, при радостных криках народа, в сопровождении Степного генерал-губернатора и свиты, изволил направиться к ожидавшим Дорогого Высокого гостя инородческим депутациям.

При самом вступлении на берег Его Императорское Высочество соизволил принять и откусать кумыс, поднесенный на серебряном блюде от киргизов Степного генерал-губернаторства старейшим из депутатов Акмолинской области полковником султаном Чингизом Валихановым с ассистентами от Семипалатинской и Семиреческой областей. Затем депутаты от таранчинского и дунганского населения Семиреченской области поднесли Его Императорскому Высочеству хлеб-соль на китайском фарфоровом блюде, покрытом индийской парчой, и благодарственный адрес за принятие таранчей и дунган в русское подданство, после передачи Кульджи Китаю.

Потом Государь Цесаревич направился, между шпалерами депутатов, в декорированную флагами беседку, где собрались прибывшие на первом пароходе дамы, а оттуда на выставку среди киргизского аула.

Юрты были установлены по дуге полукруга, анфиладой, с перерывом посередине. В каждой части было установлено по пяти юрт вместе и по одной юрте отдельно, внутри дуги анфилады. Государю Цесаревичу угодно было начать осмотр с правой отдельной юрты. Это была юрта богатого киргиза Акмолинского уезда Нурмухамета Саганаева, расшитая снаружи цветными сукнами и разукрашенная внутри коврами, парчой и развешенными вокруг юрты киргизскими мужскими и женскими одеждами и шубами.

В этой юрте была представлена Высокому Гостю киргизская невеста в роскошном костюме и “саукелэ” (старинный киргизский головной убор, в виде сахарной головы, вышиною до одного аршина, украшенный серебряными позолоченными бляхами со вставленными сердоликами, нитками кораллов и жемчуга; убор этот, надевавшийся невестою во время свадьбы и молодыми женщинами в первый год замужества, при особенно торжественных случаях, в настоящее время уже выходит из употребления); там же сидело несколько девушек, занятых обычным девичьим рукоделием богатых киргизок (шитьем и разными вышиваньями). В этой юрте, справа, была установлена “саба”¹⁸ с кумысом — неременная принадлежность юрты киргизской богатой хозяйки.

Из этой юрты Государь Цесаревич изволил направиться к месту выставки наружной обстановки киргизского хозяйства. Здесь Его Императорское Высочество осмотрел приготовление киргизских сыров “курт” и “рымчик”, копчение кож, из которых киргизы готовят посуду для делания, хранения и перевозки кумыса, тканье армячины, доение овец и кобылиц и стадо двугорбых верблюдов. Его Императорскому Высочеству благоугодно было пожелать, чтобы стадо верблюдов было пригнано ближе к месту осмотра. Неуклюжие выючные животные прошли совершенно близко от Государя Цесаревича и дали возможность более подробного осмотра их.

После прохода верблюдов, Его Императорское Высочество изволил войти в юрту атбасарского киргиза Майрама Джанайдарова¹⁹, в которой были выставлены предметы древнего киргизского вооружения и одежды и три модели киргизских юрт. Кроме кольчуг, шлемов, пик и сабель, луков и колчанов со стрелами — свидетелей несложного героического периода киргизской жизни, в этой юрте были выставлены некоторые интересные исторические памятники: соболья шуба, парчовый пояс и сабля, украшенная ценными камнями, пожалованные 24 мая 1782 г. Императрицею Екатериной Великой киргизскому султану Валию, по случаю утверждения его

в этот день ханом Средней орды, как значится в современной тому надписи золотыми буквами на клинке сабли.

В следующей юрте, — украшенной при входе транспарантом с вензелевым изображением имени Его Императорского Высочества, — была собрана обстановка богатой киргизской семьи. Здесь, кроме обычной “сабы” с кумысом, в середине юрты, на столах, были расставлены блюда с киргизскими яствами. Тут были все лакомства киргизской кухни: вареная баранина — в том виде, как она подается почетному гостю, т. е. блюдо, наполненное самыми вкусными кусками мяса и бараньего жира и увенчанное вареной бараньей головой — неременной принадлежностью почетного угощения. Затем стояли блюда: с “баурсаком” (жаренные в бараньем сале шарики из теста), с “казы” (соленый и копченый брюшной конский жир и мясо с ребром, заключенные в кишку, как колбаса), “каурадак” (жареное мясо, по преимуществу баранье, в жиру), “палау” (вареный рис с бараниной) и чай.

Осмотрев подробно эту юрту, уставленную по стенам сундуками с имуществом, Государь Цесаревич изволил перейти в следующую, где были выставлены предметы и способы киргизской охоты. Юрта была увешена шкурами барсов, рысей, лисиц, архаров, марала, волков и проч. Кроме того, здесь же находилась живая лисица и молодая антилопа-сайга. В этой же юрте были беркуты с колпачками, ястребы, фитильные и пистонные ружья, капканы. Киргизка-мастерица за ткацким станком и узорщик, делающий вырезки из сукон и материй для украшения кошем и юрт, дополняли собой выставленные предметы этой юрты.

В следующей юрте были представлены киргизские ремесла: столярное, кузнечное, слесарное и серебряное. Тут некоторые киргизы-мастера удостоились счастья поднести Государю Цесаревичу свои изделия.

В шестой юрте помещались киргизские музыканты, певцы и импровизаторы, которые встретили Его Императорское Высочество приветственными песнями. Государь Цесаревич милостиво изволил выслушать киргизские импровизации и игру на киргизских инструментах: “домбра” — роль балалайки и “кобыз” — род небольшой виолончели с двумя волосяными струнами и кожаной декой.

После этого Его Императорское Высочество осматривал юрту бедного киргиза с его обстановкой. Привязанных жеребят и массы другого скота (неременной принадлежности богатой юрты) при ней, конечно, не было. Разве какая-нибудь коза с козленком, да изнуренная кляча находятся около юрты бедняка, составляя все его имущество! Пищей бедного киргиза служит каша из поджа-

ренной пшеницы или пшена (“кожэ”), изредка подболтанная козьим молоком, а вместо самовара с чайником бедняк довольствуется чугунным кувшином, в котором кипятится вода и заваривается чай.

Затем Государь Цесаревич удостоил посещения научный и учебный отделы выставки в киргизском ауле. В первой юрте были помещены коллекции музея Семипалатинского областного статистического комитета: 1) этнографическая — в которой были выставлены киргизские изделия: из рога — ложки, “ожау” (ковши для переливания кумыса), “чакча” (рожки для нюхательного табака), кожаные и деревянные с серебряной по железу инкрустацией “торсуки” (сосуды для перевозки кумыса при верховой езде), образцы различных нагаек, музыкальные инструменты, древние и современные киргизские пояса (“ксэ”), оружие: несколько различных “айбалта” (боевых топоров), луки, стрелы, колчаны, пики, “соилы” (боевые палки) и “чакпар” (боевая палка с утолщением на одном конце); 2) археологическая коллекция, состоящая из интереснейших ископаемых находок — орудий и оружия каменного и бронзового веков; 3) зоологическая коллекция, составленная из шкур местных зверей и чучел и полной энтомологической коллекции вполне установленных и расправленных экземпляров с названиями; 4) коллекция произведений киргизских кустарей: разные сорта кошем, армячины (между которыми выделялась тонкая армячина работы семьи киргизов Байбосуновых в Каркаралинском уезде), киргизской одежды и обуви.

После осмотра этой юрты Его Императорское Высочество удостоил принять подносимые лично авторами печатные труда: а) заведовавшего устройством киргизского аула и выставки секретаря Семипалатинского областного статистического комитета надворного советника фон Герна: “Поездка на реку Чу через пустыню Бедпак Дала”, “Поездка в долину озера Иссык-Куль” и “Зоографические заметки по Акмолинскому уезду” и б) старшего чиновника особых поручений при Военном губернаторе Семиреченской области статского советника Пантусова: “Таранчинские песни” и “Несторианские памятники”. В следующей юрте помещалась минералогическая коллекция того же музея статистического комитета (из многих очень характерных ископаемых следов раковин и растений, образцов цветных камней, руд и каменного угля, добываемого в Семипалатинской области).

Рядом с этой коллекцией были помещены минералогические коллекции горнопромышленников Дерова и Попова, причем в коллекции последнего были представлены не только образцы руд, но также образцы пред-

метов и обработки медных и серебро-свинцовых руд с полной постепенностью плавки и очистки — до чистых металлов: меди, свинца и серебра, с бликом последнего в 7 фунтов 30 золотников.

За этими коллекциями следовали работы и продукты производства и хозяйства киргизских сельскохозяйственных школ Семипалатинской области, которые прислали на выставку: сельскохозяйственные орудия, семена сельскохозяйственных растений, образцы сапожных, шорных, валяльных и столярных изделий, главным образом применительных к сельскому хозяйству и киргизской жизни. Особого внимания Государя Цесаревича был удостоен киргизский складной стол работы Павлодарской сельскохозяйственной школы, верхняя доска которого была мозаичной работы из разных пород местного дерева. Зайсанская сельскохозяйственная школа представила, кроме того, образцы шелковичных коконов разных сортов, семена тутового дерева и вензелевое изображение Имени Его Императорского Высочества, составленное из шелковичных коконов по малиновому бархату. Произведения сельскохозяйственных школ Семипалатинской области занимали половину второй и третью юрту этого отдела.

В четвертой юрте помещались произведения Петропавловской, Кокчетавской, Атбасарской и Акмолинской сельскохозяйственных школ Акмолинской области и работы киргизских кустарей этой области, как то: армячина разных сортов, “арканы” (волосяные и шерстяные веревки), принадлежности киргизской седловки, одежды и проч.

Пятая юрта была занята произведениями Семиреченской области: Копальской сельскохозяйственной школы, сыроваренного заведения г. Фетисова (сыры на манер швейцарского), Верненского казенного сада — сушеные яблоки, шелковые коконы и размотанный шелк-сырец белого и желтого цвета.

Затем управляющий Пржевальской сельскохозяйственной школой г. Пухляков демонстрировал свои коллекции: семян полезных и вредных растений Иссык-Кульского уезда, коллекцию древесных пород, произрастающих в этом уезде, и коллекцию волокнистых веществ животных и растительных в необработанном, обработанном и окрашенном виде и образцы коврового производства из местных продуктов.

При выходе из этой юрты Его Императорское Высочество осматривал изготовленную учениками Петропавловской сельскохозяйственной школы модель фермы этой школы.

После этого Государь Цесаревич изволил посетить юрту, в которой были сгруппированы предметы, предназначенные к поднесению Его Императорскому Высочеству от туземцев. Государь Цесаревич милостиво принял подношения киргиз и удостоил расспросами подносящих.

По окончании осмотра выставки Высокий путешественник изволил наблюдать киргизский “кош”, т. е. перекочевку богатой семи со скотом и имуществом на разукрашенных верблюдах и лошадях, а затем и “кош”

бедной киргизской семьи на двух-трех “арбах” (киргизских двухколесных скрипучих телегах, запряженных быками и коровами), причем семья юртовладельца помещалась, как обыкновенно, верхом на этих же запряженных животных.

В пять часов Его Императорское Высочество отбыл из аула на том же пароходе “Николай” при громких, долго не смолкавших “ура” собравшейся для встречи Высокого Гостя массы киргизского народа. Отъезжая, Государь Цесаревич удостоил его благодарности за привет и в со-

Рис. 9. На первом плане фотографии, представляющей несколько примечательных предметов из казахского собрания МАЭ, можно увидеть ружье и топорик, подаренные цесаревичу Николаю. Фото С. Б. Шапиро

Подарочное гладкоствольное охотничье ружье (мылтык) калибра 13,0 мм с капсюльным ударным замком. Ствол и замок взяты от русского драгунского ружья образца 1828–1844 гг., выпущенного Императорским Тульским оружейным заводом в 1838 году. Ложа, прибор ложи, казенный винт с хвостовиком и декор выполнены кустарным способом казахскими мастерами. Общая длина 115,5 см, длина ствола (без хвостовика) 72,6 см, максимальная высота 13,4 см. Врезная таушировка, резьба контурная, насечка врезная.

Подарок цесаревичу Николаю Александровичу (1890 г.), поступление 1896 г. МАЭ РАН, № 313–111

Топор айбалта с кинжалом. Длина топора 80,5 см; максимальная ширина лезвия 7,0 см. Сталь, дерево, кожа, серебро. Гравировка, чернение. Подарок цесаревичу Николаю Александровичу (1890 г.), поступление 1896 г. МАЭ РАН, № 313–117

Здесь же представлены *сосуд для кумыса (торсык)*. См. рис. 1

Ножны (кынат) без ножа. См. рис 4

Пояс мужской (кисе). Подробнее, см. ниже, с. 297–303

провожении Степного генерал-губернатора изволил выйти на палубу. Единодушное громкое “ура” киргизов было ответом на эту милость Его Императорского Высочества и радостные крики народа не смолкали до тех пор, пока пароход “Николай” не завернул и не прошел вниз по реке Иртышу мимо киргизского аула.

На другой день киргизские депутаты поджидали отъезжавшего Государя Цесаревича в пяти верстах от г. Омска по Петропавловскому тракту. Здесь Его Императорское Высочество по пути осмотрел примерную охоту с беркутами. Сначала была пущена лисица, которую беркут взял очень скоро. Затем другой беркут был пущен два раза на двигающуюся чучело лисицы и каждый раз с большой ловкостью брал добычу. При дальнейшем следовании Государь Цесаревич изволил наблюдать киргизскую игру на конях “кок-бурю”²⁰, причем киргизы отнимали друг у друга на скаку волчью шкуру. Во время пути Государь Цесаревич удостоил сопровождавших Его Императорское Высочество киргизов разрешения ехать вблизи экипажа и милостиво разговаривал с бесконечно очастливленными этим степняками».

В 1896 г. все подаренные во время путешествия цесаревича по Востоку предметы были переданы в музей Санкт-Петербурга. В МАЭ попали 937 экспонатов, 20 из которых имеют казахское происхождение. Помимо образцов традиционного оружия казахов это палочка для подсчета скота и *адал-бакан* (вешалки-подпорки юрты), т. е. те предметы, которые, как было показано²¹, помимо своей основной функции имеют ритуальное значение. Напомним также, что Николай принял кумыс от Чингиза Валиханова — «хозяина дома», внука знаменитого на всю казахскую степь хана Аблая, прославившегося в борьбе против джунгар (рис. 9).

В 1898 г. корреспондентом музея стал начальник Лепсинского уезда Семиреченской области Константин Николаевич де-Лазари (1869–1930)²². Он серьезно увлекся краеведением, состоял в постоянной переписке с главным хранителем МАЭ Д. А. Клеменцем. Присланные им предметные и фотоколлекции составляют ныне важную часть казахского собрания МАЭ. Среди вещей, полученных от К. Н. де-Лазари, были войлоки, ковровые полосы и серебряные ювелирные изделия, головные уборы

Рис. 12. Казах, играющий на *кобызе*. Фотоотпечаток 12,0 × 17,5 см. Семиреченская область, 1898 г. Собиранель К. Н. де-Лазари, 1898 г. МАЭ РАН, № 411–22

и предметы культа, детские игрушки и игры для взрослых, материалы для изготовления пряжи и домашних тканей, образцы тканей и ткацкие инструменты, домашняя утварь, оружие, а также музыкальные инструменты, в том числе шаманский *кобыз*²³ (рис. 10–12).

Возможно, самое ценное собрание этнографических предметов (88 экспонатов из Тургайской волости Актюбинского уезда и из Сарайской волости Кустанайского уезда, из аула №4)²⁴, бытовавших в Северо-Западном Казахстане, преподнесли в дар музею казахи Лаикжан Дербисалиевич Биркимбаев и Хасан Шу-Мухамедович Имамбаев, посетившие Санкт-Петербург в 1897 г.²⁵ К сожалению, информация об этих людях крайне скудна. Согласно музейным документам, казахские гости столицы империи посетили МАЭ и удивились бедности коллекций, связанных с их народом. Годом спустя от этих людей через старшего советника областного Тургайского управления И. Крафта и врача И. А. Белиловского в музей поступило удивительное по богатству и разнообразию собрание: нарядный чепрак под седло невесты и ее праздничная одежда, головные уборы, украшения из серебра, предметы быта, войлоки, циновки, модели юрты, тисненый сосуд из кожи... Настоящую редкость представляли собой *саукеле*, украшенное сердоликом, коралловыми и жемчужными нитями и оцененное музеем в 600 рублей (стоимость 60 хороших коней в то время), и старинный, богато украшенный сердоликовыми вставками, серебром и золотом пояс. По сообщению дари-

телей, он принадлежал потомку хана Аблая²⁶. В отчете МАЭ отмечалось: «Таких вещей, представляющих собой остатки прадедовского состояния, в степи немного, и киргизы не расстанутся с ними ни за какие деньги»²⁷. Ввиду ценности коллекции МАЭ ходатайствовал о награждении Л. Д. Биркимбаева серебряной медалью на шею «За усердие» на Станиславской ленте, а Х. И. Имамбаеву выразил письменную благодарность²⁸.

В том же 1898 г. от Г. М. Осокина, энтузиаста-этнографа, купца и потомственного почетного гражданина г. Кяхты²⁹, МАЭ получил комплект мужской одежды алтайского казаха-киреевца из Кобдосского округа Западной Монголии³⁰.

В 1899 г. у перебравшегося в г. Бийск Томской области петербургского фотографа Николая Александровича Ермолина музей приобрел *саукеле* алтайских казахов³¹.

В 1902 г. от Льва Семеновича Берга (1876–1950), тогда скромного зрителя рыбных промыслов на Аральском море и Сырдарье (Казалинский уезд Сырдарьинской области), а в будущем действительного члена АН СССР и президента Географического общества СССР, музей получил в дар коллекцию предметов быта (две деревянные ложки, ткацкий станок для изготовления тесьмы из верблюжьей шерсти, широкую орнаментированную ленту *баскур* с бахромой, сотканную из разноцветных шерстяных нитей и служившую для внутреннего украшения юрты, а также двухструнный музыкальный инструмент, домбру)³².

В 1907 г. МАЭ приобрел «у сарта М. У. Мусаханова из Ташкента» богато украшенное *саукеле* (Семиреченская область)³³. В этом же году Геологический музей Академии наук передал в МАЭ предметы, поступившие от пол-

Рис. 10, 11. Инструмент музыкальный (*кобыз*), смычковый, двухструнный. Долбленный резонатор ковшеобразной формы вытянут в нижней части в виде удлиненного полого выступа, который обтянут кожей. Края ковшеобразной части резонатора оббиты железом. Гриф, имеющий сверху головку лопатообразной формы, а снизу форму узкого вытянутого прямоугольника, также сверху оббит железом. В деревянный выступ, расположенный в верхней части *кобыза*, вставлено два колка (по одному с каждой стороны). Две струны из пучков конского волоса (снизу связаны вместе и нагянуты с помощью сыромятного ремешка, сверху пропущены в отверстия, находящиеся вверху прямоугольной части грифа). На лицевой стороне лопатообразной головки грифа и по внутреннему краю резонатора прибиты железные колечки, в которые продеты 13 металлических подвесок различной формы и размеров. Снизу грифа — большое железное кольцо с сыромятным ремешком (для подвешивания инструмента). Общая длина 97,0 см, длина резонатора 55,0 см, наибольшая ширина резонатора (вверху) 40,5 см, наибольшая ширина резонатора (внизу) 11,0 см. На оба конца изогнутого деревянного смычка надеты медные, круглые в сечении наконечники длиной 6,7 и 8,5 см. С одной стороны смычка в 1,5 см от края прикреплено металлическое кольцо, к которому привязан пучок конских волос, с другой стороны смычка пучок конских волос продернут в отверстие в палке и закреплен, длина смычка 78,0 см. Волос конский, дерево, медь, железо, кожа.

Долбление, обтяжка, обивка,ковка. Семиреченская область, Лепсинский уезд, вторая половина XIX в.

От К. Н. де-Лазари, поступление 1898 г. МАЭ РАН, № 411–21ab. Фото С. Б. Шапиро

ковника корпуса военных топографов Гаспара Аветиковича Насибянца³⁴, а купец-антиквар Евгений Иванович Александр — сосуд для воды, узкогорлый, сферической формы³⁵.

В 1908 г. от Петра Евгеньевича Островских (1870–1940), российского этнографа и путешественника (1894 г. — командировка от Академии наук для изучения «туземцев Минусинского края», 1897 г. — поездка в Тоджинский хошун на средства ИРГО), в музей поступили образцы пищи и деревянный резной орнаментированный кумысный ковш казахов Тургайской области³⁶.

В том же году учитель Хасан-бай из Акмолинской области в 1908 г. передал в МАЭ светильники, а султан Мухаммед Кудаймендин, праправнук хана Семеке, правителя Среднего жуза, годом позднее преподнес домбру из Акмолинской области³⁷.

1910 г. ознаменовался поступлениями от учителя Нурджакупа Нурсеитова (изделия из кожи, образец казахской вышивки *кесте* и ряд предметов, связанных с занятием скотоводством)³⁸, от участницы сибирской экспедиции «госпожи Картусовой» (части ковра, мешок для посуды, образцы тесьмы, мера для кумыса, домбра, детский костюм, *аракчин* с перьями филина)³⁹.

В 1910-е гг. с МАЭ активно сотрудничал Константин Михайлович Рычков (1882–1923), этнограф и лингвист, в те годы хранитель Семипалатинского музея. От него поступили образцы казахской одежды, ювелирные украшения, предметы конской упряжи, утварь и многие другие вещи⁴⁰.

В 1912 г. в МАЭ поступила купленная у барона Г. Крюденера коллекция оружия (стрелы, колчаны, нагайка, всего 44 предмета)⁴¹, определенные как казахские. В 1915 г. военный топограф подполковник Александр Николаевич Картыков (1868–?) из Омска подарил музею другой образец казахского оружия — *айбалта*, — найденный в погребении на реке Саксой Кобдосского округа Монголии⁴².

Рис. 14. С. М. Дудин. Образцы резьбы по дереву. Фотоотпечаток, 17,0 × 24,0 см, 1899 г. МАЭ РАН, №1199–277

Организация самостоятельных экспедиций для сбора этнографических коллекций, начатая музеем при В. В. Радлове, резко увеличила число коллекций и самым серьезным образом повысила научное качество сборов⁴³.

Именно эта эпоха связана с именем С. М. Дудина⁴⁴ (рис. 13–14). От Садвакаса, сына Мусы Чорманова, с которым Дудин активно сотрудничал, музей получил в дар веретено *уришук* для прядения тонких нитей, ложку *ожау* для кумыса, сделанную из единого куска дерева, деревянную ложку, повторяющую форму русской, мужскую шапку *тымак* и табакерку для нюхательного табака⁴⁵.

Рис. 13. Подпорки для шаңырақа юрты (*адал-бақан*): 1. Верхняя часть подпорки для шаңырақа юрты. Широкая доска с узорновырезанными краями. Верхняя часть оформлена в виде пологой развилки, нижний конец округлый. По бокам две пары рогообразных выступов, вставленных в пазы. *Бақан* декорирован плоско-рельефной резьбой. Орнамент: парные рогообразные завитки в зеркальном отражении, вложенные в круг (три розетки); три круглые розетки с вписанной 8-лучевой фигурой — верхняя и нижняя фигура выполнена в виде 8-лучевой звезды, средняя — в виде 8-лепесткового цветка. Резьба раскрашена. Выпуклые части покрыты черной краской. Цвета фона — красный, зеленый, серый. 2. Нижняя часть подпорки для шаңырақа юрты. Широкая доска с узорновырезанными краями. Верхняя часть скошена (отпилена), на верхнюю часть доски набиты три металлических гвоздя (видимо, остатки крепления). Низ доски не обработан резьбой. В верхней части располагалась пара рогообразных выступов, вставленных в пазы. *Бақан* декорирован плоско-рельефной резьбой. Орнамент: парные рогообразные завитки в зеркальном отражении, вложенные в круг (две розетки); круглые розетки с вписанной 8-лучевой фигурой — одна в виде 8-лучевой звезды, другая в виде 8-лепесткового цветка. Резьба раскрашена. Выпуклые части покрыты черной краской. Цвета фона — красный, зеленый, серый. Длина 143,0 см, ширина доски без выступов 16,0 см. Дерево, краска. Резьба по дереву, окрашивание. Горы Яхши-Нияз, Казахстан, Семипалатинская обл., конец XIX в. От С. М. Дудина (дар Мусы Чорманова), поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 493–13/1, 2. Фото С. Б. Шапиро

В результате в высшей степени плодотворных поездок 1908–1910 гг. Клавдия Васильевича Щенникова в Петропавловский уезд Акмолинской области и Семипалатинскую область в музей поступило около двухсот предметов (образцы вышивок и орнамента, ткацкие принадлежности, игрушки, серебряные украшения, изделия из рога и кожи, деревянная утварь, одежда, предметы

культы, конская упряжь и др)⁴⁶. Персональный вклад К. В. Щенникова в сложение казахских коллекций МАЭ трудно переоценить.

После Октябрьской революции одним из главных источников пополнения коллекций были поступления от частных лиц. Так, в 1920 г. музей получил коллекции от антиквара Расула Мухаммедова, среди которых

было *саукеле*⁴⁷, в 1925 г. поступила коллекция с образцами вышивок на концах полотенец, собранная на Рудном Алтае художником Виктором Николаевичем Белослюдовым (1883–1916), выпускником Строгановского училища, жившим и работавшим в Семипалатинске⁴⁸.

В 1929 г. вдова Николая Федоровича Финдейзена (1868–1928)⁴⁹, видного ученого-музыковеда, основателя, издателя и редактора журнала «Русская музыкальная газета», известного собирателя музыкальных инструментов, передала в музей коллекцию мужа, частью которой был *кобыз* из Тургайской области⁵⁰.

С организацией в 1902 г. Этнографического отдела (ЭО) Русского музея императора Александра III деятельность МАЭ все больше стала смещаться в сторону изучения этнографии народов зарубежных стран. Этот процесс усилился после объединения в 1948 г. коллекций бывшего Музея народов СССР в Москве с собранием Государственного музея этнографии в Ленинграде, возникшего на базе ЭО Русского музея (ныне — Российский этнографический музей). Именно здесь во второй половине XX в. была сосредоточена экспедиционная, собирательская и исследовательская работа, посвященная казахской этнографии. Важнейшее значение имело и развитие музейного дела в Казахстане, где в результате многолетней напряженной работы были собраны блестящие коллекции.

Что касается МАЭ, то одним из последних предвоенных поступлений, связанных с Казахстаном, стала коллекция керамики К. Л. Задыхиной, полученная ею на Алма-Атинской Научно-экспериментальной керамической станции⁵¹. Опись собирателя сопровождает подробное описание процесса производства керамических изделий. После войны собрания МАЭ пополнились интересными коллекциями, собранными в ходе работы экспедиций, изучавших быт и культуры осевших в Казахстане переселенцев из Китайского Туркестана (дунгане, уйгуры, таранчи). С 70-х годов XX в. собственно казахское собрание МАЭ вновь стало пополняться коллекциями, которые сотрудники музея (М. В. Сазонова, В. П. Курьлев, Н. Ж. Шаханова) привозили из своих экспедиций. В 1984 г. музей приобрел традиционную казахскую юрту в полной комплектации⁵². В настоящее время она активно экспонируется на международных выставках и традиционно пользуется большим интересом у публики.

Полевые исследования в Казахстане, приостановленные в 1990-х гг. ввиду известных, в первую очередь экономических, причин, были возобновлены в начале XXI в.

благодаря развитию деловых контактов и сотрудничества петербургских и казахстанских этнографов. В последние годы в Казахстане и Киргизии работает И. В. Стасевич, которая привезла коллекции, содержащие ювелирные украшения и предметы традиционного быта казахов и киргизов. Кроме пополнения музейных фондов задачей современных исследований стало изучение этнических процессов, протекающих в центральноазиатском регионе, фиксация специфики бытования и адаптации форм традиционной культуры, продолжающих функционировать в настоящее время.

II. Иллюстративные коллекции⁵³

Среди наиболее ранних изображений, хранящихся в МАЭ РАН и посвященных культуре и быту казахов, можно назвать альбом этнографических рисунков (1851 г.) А. Померанцева, офицера Генерального штаба и учителя Чокана Валиханова (*рис. 15*)⁵⁴, и альбомы художника П. М. Кошарова (1824–?), который в 1857 г. наблюдал жизнь киргизов и казахов⁵⁵ (*рис. 16*).

Рис. 15. А. Померанцев. Дико-каменной орды Бий Саргай (посольство 1849 г.). 31,0 × 22,5 см. Бумага, акварель. 1851 г. МАЭ РАН, № И-1415-8

Рис. 16. П. М. Кошаров. Киргизы на молитве.
25,5 × 18,7 см. Бумага, карандаш. 1857 г.
МАЭ РАН, № 116–10

Фотографии с рисунков и картин художника В. В. Верещагина, выполненных десять лет спустя, продолжили традицию художественного освоения культуры и традиций Степи⁵⁶.

Несомненное историческое значение имеют самые ранние фотоработы, хранящиеся в коллекции МАЭ. Это «Киргизский хан с женою» (1845 г.)⁵⁷ (рис. 17) и «Казахские султаны в парадной форме» (1860 г.)⁵⁸ (рис. 18).

Интереснейшие материалы содержит «Альбом Кауфмана», или «Туркестанский альбом», поступивший в музей в 1874 г. Он состоит из 48 картонов и 116 фотографий⁵⁹ (рис. 19). К этому изданию примыкают и альбомы «Типы народностей Средней Азии» (85 фотографий)⁶⁰ и «Виды и типы Хивинского ханства» (1873 г., 78 листов, содержащих 39 фотографий)⁶¹, также опубликованные по распоряжению и при содействии К. П. Кауфмана.

Рис. 20. А. А. Воронина-Уткина. Орнамент на мате из степной травы чия (чий). 40,0 × 30,0 см. Бумага, акварель. Семипалатинская обл., Каракаралинский уезд, 1913 г. МАЭ РАН, № 2519–31

Рис. 17. С. М. Вишнеvский. Киргизский хан с женою.
Фотоотпечаток, 10,0 × 15,0 см. До 1845 г.
МАЭ РАН, № 1159–34

Рис. 19. Н. В. Нехорошев или Г. Е. Кривцов. Аслан-бий.
Фотоотпечаток, 11,5 × 16,5 см. 1871–1872 гг.
«Туркестанский альбом». МАЭ РАН, №1718–223

Рис. 18. А. И. Шпаковский.
Казахские султаны в парадной форме. Фотоотпечаток,
11,5 × 16,5 см. 1860 г.
МАЭ РАН, № И-1416-1

Рис. 21. Султан Исим Буекеев с двумя женами. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И-1905-7

Как говорилось выше, в 1880 г. в музей поступила фотоколлекция зоолога И. С. Полякова, работавшего среди казахов Семипалатинской области⁶², в 1897–1898 гг. — богатые вещевые и фото коллекции⁶³ К. Н. де-Лазари.

Практически в то же время, в 1894 г., когда в музей поступили коллекции от К. Н. де-Лазари, МАЭ приобрел собрание фотографий от Ф. Ордэ⁶⁴, в состав которого вошли снимки, выполненные среди казахов, проживавших в Семиречье, на берегах Сырдарьи, в Астраханской губернии, на Зеравшане, на озере Искандеркуль, под Ташкентом.

Рубеж XIX–XX вв. — время эффективнейших научных экспедиций, организованных музеем и во мно-

гом связанных с именем С. М. Дудина⁶⁵.

В 1897–1899 гг. в МАЭ поступили коллекции Н. Ф. Петровского⁶⁶ (русского консула в Кашгаре, через акад. С. Ф. Ольденбурга), Я. Я. Лютша (секретаря консульства в Кашгаре, через акад. В. Р. Розена)⁶⁷, фотографа Н. А. Ермолина (Бийск)⁶⁸, П. Г. Игнатьева, участника экспедиции РГО по изучению озер Западной Сибири и Северного Казахстана⁶⁹.

В 1914 г. житель Самарканда В. Д. Пельц подарил музею коллекцию фотографий казахов Джизакского уезда пустыни Кызыл-Кум⁷⁰. Годом позднее музей приобрел у известного фотографа М. А. Круковского (1865–1936), командированного в 1905 г. в сибирские губернии, в том числе в Оренбургскую, с целью этнографического обследования и фотографирования, фотоколлекцию по народам Южного Урала, в том числе по казахам Оренбургских степей⁷¹.

В 1915 году от выпускницы Строгановского художественного училища Антонины Александровны Ворониной-Уткиной (1884–1973), вернувшейся из поездки в Каркаралинский уезд Семипалатинской области, поступило в МАЭ 102 рисунка (*рис. 20*),

а также фотографии из жизни казахов⁷². К этой коллекции примыкают собрания К. В. Щенникова, представляющие как зарисовки орнамента, так и фотографии⁷³.

Сложение фотоколлекций по этнографии и культуре казахов было продолжено в 1920-е гг. уже в совсем других социально-политических условиях. Целую группу фотоколлекций составляют снимки, поступившие в МАЭ в 1954 г. из Центрального музея народоведения⁷⁴, к сожалению, как правило, без указания даты и места съемки. Сегодня вновь большой интерес вызывают фотографии 1920–1930-х гг., связанные со становлением в Степи новой советской действительности (*рис. 21–26*)⁷⁵.

Рис. 22. Женщина-казашка за рулем легковой автомашины ГАЗ-А. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. Караганда, 1932 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И-1905-59

Рис. 23. Казашки в старинных головных уборах на базаре. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1914 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И-1905-50

Рис. 24. Женщины-казашки на демонстрации. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1931 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954. МАЭ РАН, № И-1905-111

Рис. 25. Детский сад при красной юрте в ауле (дети за обедом). Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1931 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН № И-1905-108

Рис. 26. Группа пионеров — два фанфариста, знаменосец и барабанщица. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1931 г. Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И-1905-114

Из сказанного выше прекрасно видно, что казахское собрание МАЭ формировалось не только благодаря деятельности ученых, путешественников или крупных государственных чиновников. Музей в равной степени гордится коллекциями, поступившими от энтузиаста-купца, от учителя, офицера или студента. Именно это обстоятельство делает наш музей по-настоящему народным: мы собирали его все вместе, и он принадлежит нам всем. Мы выделили здесь лишь две коллекции: одна поступила от наследника-цесаревича, другая — от частных лиц, состоятельных казахов. На самом деле эти коллекции очень похожи: они обе — искренний дар людей, позаботившихся о том, чтобы образ их народа был достойно представлен в столице империи.

Люди, как правило, трепетно относятся к своим домашним альбомам. Этнографический музей такого масштаба, как Петербургская Кунсткамера, — это домашний альбом всего человечества. При этом понятно, что одними из любимых страниц такого альбома являются те, что посвящены «своим», и я очень рад, что наши казахские коллекции вызывают все больший интерес в последние годы. Культурные богатства, накопленные в музее, живут, рассказывая свои истории сначала исследователю, а затем и посетителю, зрителю, читателю. Причем этот рассказ бесконечен, и поколение за поколением ученых будет открывать здесь свой особый мир.

Примечания

¹ Online-версия каталога в скором времени будет доступен по адресу: <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=KAZAH&page=1>.

² См. выше, с. 89–95.

³ См. выше, с. 104–106.

⁴ F. Russow. “Beitrage zur Geschichte der ethnographischen-antropologischen Sammlung der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg”. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. I (1900). С. 20, 25. См. МАЭ РАН, № 3114.

⁵ Подробнее о коллекциях РГО, переданных в МАЭ, см.: В. Н. Кисляков. «Коллекции по Центральной и Восточной Азии МАЭ РАН, полученные от участников экспедиций Русского Географического общества». *Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2008–2010*. VI (СПб., 2010). С. 181–193; З. Д. Титова. «Этнография в деятельности Русского Географического общества (1845–1917 гг.)». *Кюнеровские чтения (2001–2004). Краткое содержание докладов* (СПб., 2005). С. 151–157.

⁶ МАЭ РАН, № 781. В коллекцию входили сборы разных собирателей, множество предметов из нее, к сожалению, утрачено. Подробнее см.: В. А. Прищепова. *Коллекции заговорили* (СПб., 2000). С. 19–28.

⁷ Старший султан Аман-Карагайского внешнего округа Омской области (с 1834 г.), полковник русской армии Чингиз Валиханов получил благодарность Совета Русского географического общества «за доставление мужского киргизкайсацкого костюма, состоявшего из 9 предметов», активно участвовал в сборе предметов казахского быта для выставок в Москве (1867 г.) и на III Международном конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге (1876 г.). Подробнее см.: «Этнографические материалы Чингиса Валиханова». *Известия АН КазССР. Серия общественная*. V/173 (1990) [Online]. Доступно на: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Valichanov_Cingiz/text1.htm (последнее посещение 29.08.2015 г.). Очерк жизни и деятельности Ч. Валиханова см.: Ч. Ч. Валиханов. *Собрания сочинений*. I (Алма-Ата, 1984). С. 9–15.

⁸ МАЭ РАН, № 618.

⁹ МАЭ РАН, № 438–4. Подробнее см.: В. П. Курылев. «Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ». *Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник МАЭ*. XLIII (Ленинград, 1989). С. 85–97.

¹⁰ П. И. Небольсин (1817–1893), видный русский этнограф, историк и экономист, в 1850–1851 гг. предпринял по поручению РГО путешествие в прикаспийские области и Букеевскую Орду для исследования торгово-промышленных сношений России со Средней Азией. См.: «Очерки торговли России со Средней Азией». *Записки Императорского Русского географического общества*. X (СПб., 1855).

¹¹ «Из числа самых старших, поименую одного: это султан-правитель западной части Области Оренбургских киргизов, полковник и кавалер, султан [Султан-правитель — должность, в некотором роде равнявшаяся прежде губернаторской, но, с назначением губернатором г. Григорьева, султаны-правители подначальны уже ему. Просто “султан” — это генеалогическое достоинство, указывающее на происхождение, по прямой линии, от Чингиз-хана. Это киргизская аристократия, “белая кость”, благородные, хотя, в массе, сильно обнищавшие.] Мухаммед-Гали Тяукин. Ему лет пятьдесят; должность свою он занимает давно, лет более пятнадцати. Под его управлением считается 60 тысяч кибиток, по-нашему дымов, семейств киргизских. Он глава части народа, нескольких родов, занимающих кочевьями своими пространство, превышающее, полагаю я, площадь Испании и Португалии. В его руках сосредоточена администрация, полиция и высший надзор за народным судом всех вверенных его управлению киргизов. Сердечная струна всех его помышлений, сколько я мог вывести из неясных и не положительно высказанных мыслей его и рассуждений, вызвать в степь экспедицию ученых людей, которые, ознакомившись с киргизским земледелием, скотоводством и промыслами,

сумели бы нагляднее передать киргизам новейшие успехи науки и практики и указали бы им возможность положительнее и быстрее идти к развитию и материальному, и моральному» (П. И. Небольсин. «Путешествующие киргизы». *Русский вестник*. XXIX (1860) [online]. Доступно на <http://rus-turk.livejournal.com/298447.html> (последнее посещение 01.09.2015).

¹² МАЭ РАН, № 438–5.

¹³ МАЭ РАН, № 221. О научной и собирательской деятельности Н. Ф. Катанова см.: С. И. Вайнштейн. «Этнографические исследования Н. Ф. Катанова у тувинов и других тюркоязычных народов». *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. IV (М., 1968). С. 31–44.

¹⁴ МАЭ РАН, № 313. Подробнее о коллекции см.: В. П. Курылев. «Казахские подарки цесаревичу Николаю Александровичу в собрании Кунсткамеры». *285 лет Петербургской Кунсткамеры. Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры. Сборник МАЭ*. XLVIII (СПб., 2000). С. 129–137; Ю. Г. Попов. «Некоторые этнографические сборы из степей Центрального Казахстана». *Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология. К столетию со дня рождения Л. И. Лаврова* (СПб., 2009). С. 199–203.

¹⁵ Э. Э. Ухтомский. *Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича*. III (СПб., 1897). С. 177–182 (Посещение киргизского аула, близ Омска (по описанию надворного советника фон Герна). Публикуется в современной орфографии.

¹⁶ Отстоявшего от города в 12 верстах, вверх по левому берегу реки Иртыша (прим. Э. Э. Ухтомского).

¹⁷ «Мах-раба», по-арабски, значит — добро пожаловать! (прим. Э. Э. Ухтомского).

¹⁸ Мешок из копыченой кожи, преимущественно конской, напоминающий громадную четырехугольную бутылку, вместимостью иногда в 20–40 ведер (прим. Э. Э. Ухтомского).

¹⁹ Сын Жанайдар-батыра, правой руки хана Кенесары, волостной управитель Мейрам Жанайдаров (1846–1921) был в те годы личностью известной. Он совершил хадж, за что пользовался особым уважением, был богат, имел свой конный завод и в 1896 г. был награжден золотой медалью за сохранение основных качеств местной породы лошадей. Для своей большой семьи (четыре жены и семь сыновей) он в Тургайской степи построил двухэтажный дом из красного кирпича. Известно, что он писал стихи, занимался историей, составлял свою родословную. В 1888–1902 гг. газета «Дала уалаяты» опубликовала в девяти номерах стихотворные переводы Мейрама из «Тысячи и одной ночи» на казахском языке (перевздание см.: *Кисса-дастандар* (Алма-Ата, 1986)). Собранные им предметы вошли в коллекцию по культуре казахов, которая была прислана в Санкт-Петербург в 1876 г. для показа в рамках III Конгресса ориенталистов (см.: А. Х. Маргулан. *Казахское народное прикладное искусство* (Алма-Ата, 1986). С. 95). Часть этого собрания попала в фонды Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). Подробнее см.: В. А. Прищепова. «О пребывании цесаревича Николая Александровича в Степном генерал-губернаторстве». *Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга*. Вып. 3: *Петербургжец путешествует. Материалы конференции 3–4 апреля 1997 г.* (СПб., 1998). С. 112–114. См. также статью его правнучки д. т. н., проф. Зифы Рахимбековой «Мейрам Жанайдаров — знаменосец казахского народного прикладного искусства» [Online]. Доступно на: http://catalog.karlib.kz/irbis64r_01/Kraeved/Istoriya_Saryarki/Meoyram_Zhanaoydarov_znamenosets_kaz_prikladnjgi.pdf (последнее посещение 29.08.2015 г.).

²⁰ «Кок-бурю» — серый волк (прим. Э. Э. Ухтомского).

²¹ Подробнее см.: Курылев. «Казахские подарки...».

²² Подробнее о нем см.: В. А. Прищепова. *Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры* (СПб., 2011). С. 140–150.

- ²³ МАЭ РАН, № , 410, 411 (всего 72 предмета, 213 ед. хр.).
- ²⁴ МАЭ РАН, № 439. Подробнее см. ниже, с. 296–311.
- ²⁵ См.: Прищепова. *Коллекции заговорили*. С. 37—38, 77.
- ²⁶ Подробнее см. ниже, с. 297–303.
- ²⁷ А РАН (СПб), ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 68.
- ²⁸ В эту же коллекцию вошла детская колыбель, на сохранившихся оригинальных этикетках к которой указано, что ее подарил музею старшина Сарайской волости Кустанайского уезда Йахиа Тулемисов.
- ²⁹ Г. М. Осокин был участником Орхонской экспедиции и является автором книги *Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья* (СПб., 1906). А. М. Решетов так объяснял активную собирательскую деятельность Осокина и его земляка Лушников: «Кяхта — “песчаная Венеция” лежала в начале русской части торгового тракта из Китая и Монголии, купечество там было богатым: у миллионеров доход обозначался семизначными цифрами. Жило в Кяхте в основном просвещенное купечество, не чуждое общественной мысли, охотно откликавшееся на благотворительные дела. Его особенностью была тяга к просветительству. Поэтому-то Г. М. Осокин и А. А. Лушников отправили свои дары в столичный музей». См.: А. М. Решетов. «Монгольский цам по коллекциям МАЭ». *Сборник МАЭ*. ХLI (Л., 1987). С. 124.
- ³⁰ МАЭ РАН, № 414.
- ³¹ МАЭ РАН, № 523.
- ³² МАЭ РАН, № 689. Результатом работы «смотрителя рыбных промыслов» стала монография «Рыбы Туркестана» (СПб., 1905). Подробнее о нем см. Э. М. Мурзаев. *Лев Семенович Берг (1876–1930)* (М., 1983).
- ³³ МАЭ РАН, № 1092.
- ³⁴ МАЭ РАН, № 1081 (в том числе *кобыз* «из деревни Джармыш» и нагайка, купленная в с. Кунапсу на Мангышлаке). В 1899—1903 гг. Г. А. Насибянц — производитель топографических работ Военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа.
- ³⁵ МАЭ РАН, № 1116 (Семипалатинская область).
- ³⁶ МАЭ РАН, № 1201. Как собиратель, П. Е. Островских сотрудничал также с Минусинским музеем и Центральным музеем народоведения в Москве.
- ³⁷ МАЭ РАН, № 1458.
- ³⁸ МАЭ РАН, № 1439, 1458, 1710 (Петропавловский уезд Акмолинской области).
- ³⁹ МАЭ РАН, № 1753, 1803 (аул Курганской волости Акмолинской области Омского уезда).
- ⁴⁰ МАЭ РАН, № 2343, 2431, 2451, 2528. Научный архив К. М. Рычкова (псевдоним Ракай) хранится ныне в Архиве востоковедов (фонд №49) при Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).
- ⁴¹ МАЭ РАН, № 2051.
- ⁴² МАЭ РАН, № 2504.
- ⁴³ Большую роль сыграл здесь опыт самого В. В. Радлова, см.: В. В. Радлов. *Инструкция для собрания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства* (СПб., 1895).
- ⁴⁴ МАЭ РАН, № 493 (16 предметов, 26 единиц хранения). См. выше, с. 139–196. Подробнее о предмете см.: М. Муканов. «Резьба по дереву у казахов». *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР*. VI (Алма-Ата, 1959). С. 159—163.
- ⁴⁵ МАЭ РАН, № 493. (Баян-аул Павлодарского уезда Семипалатинской области).
- ⁴⁶ МАЭ РАН, № 1287, 1459, 1749; 1327, 1399, 1400, 1483, 1707, 1708, 1774, 1775. Была привезена и интереснейшая фотоколлекция (см. ниже). К сожалению, персональная информация о К. В. Щенникове крайне скудна. Известно лишь, что он был «прикомандирован к МАЭ».
- ⁴⁷ МАЭ РАН, № 2874.
- ⁴⁸ МАЭ РАН, № 3092 (26 предметов, 26 единиц хранения). В. Н. Белослодову и его братьям Алексею, Николаю, Федору принадлежит большая заслуга в развитии краеведения и музейного дела на востоке Казахстана. Материалы по биографии и творческому пути В. Н. Белослодова см. в статье о нем, написанной краеведом из г. Семей Павлом Жуковым. [Online]. Доступно на: <http://artru.info/ar/1872> (последнее посещение 30.08.2015).
- ⁴⁹ О нем см.: Т. Н. Ливанова. «Россия. Музыка». *История европейского искусства. Вторая половина XIX века — начало XX века*. II (М., 1969). С. 155–159.
- ⁵⁰ МАЭ РАН, № 4043–1.
- ⁵¹ МАЭ РАН, № 5679.
- ⁵² МАЭ РАН, № 6895.
- ⁵³ Подробнее см.: Прищепова. *Иллюстративные коллекции*.
- ⁵⁴ МАЭ РАН, № И–1415–7.
- ⁵⁵ МАЭ РАН, № 116 и 2643/2. Подробнее о Кошарове см.: Прищепова. *Иллюстративные коллекции*. С. 132–138.
- ⁵⁶ *Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства*. 26 листов с 106 рисунками (СПб., 1874). МАЭ РАН, № И–674.
- ⁵⁷ МАЭ РАН, № 1159–34. На протяжении долгого времени считалось доказанным, что это портрет Джангир-хана с третьей, любимой женой, татаркой Фатимой, дочерью оренбургского муфтия Мухамеджана Гусейнова (см., напр., Прищепова. *Иллюстративные коллекции*. С. 76–79). Сейчас эта гипотеза опровергнута.
- ⁵⁸ МАЭ РАН, № И–1416–1. Крайний слева оренбургский дипломат Плотников, повсюду сопровождавший депутацию. В центре — правитель западной части Оренбургской области, полковник султан Мухаммед-Гали Тяукин. Мухаммед Салих Караулович Бабаджанов, выпускник Неплюевского кадетского корпуса, крайний справа. В состав депутации также входили управляющий Самарской частью Внутренней орды Губайдулла Исенбаев, есаул султан С. Джангюрин, бий А. Байгалин, войсковой старшина султан И. Касымов, бий А. Мунайгасов, хорунжий Б. Чмгелов, бий Толепов, бий С. Бекжурин. Султан Галий Арсаланов сидит в профиль со шляпой в руке. Подробнее о депутации см.: З. А. Джандосова. «Казахи». *Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия*. III (СПб., 2004). С. 51–53.
- ⁵⁹ МАЭ РАН, № И–1718. Подробнее см. выше, с. 185.
- ⁶⁰ МАЭ РАН, № И–2205. Фотографии выполнены В. Козловским в Ташкенте в 1876 г. Этот экземпляр предназначался для собственной библиотеки императора, куда он и был доставлен 6 сентября 1877 г.
- ⁶¹ МАЭ РАН, № 673. Составитель подпоручик Г. Е. Кривцов, литографии были выполнены Э. Ариголом. Г. Е. Кривцов участвовал в экспедициях по Бухарскому ханству (в Шахрисябз 1874 г. и в Гиссар в 1875 г.).
- ⁶² МАЭ РАН, № 106.
- ⁶³ МАЭ РАН, № 411а, 418, 423. В 2009 г. Анджей де-Лазари, потомок собирателя, передал в дар Музею Первого Президента Казахстана в Астане богатую коллекцию фотографий, которая все предыдущие годы хранилась в Польше.
- ⁶⁴ МАЭ РАН, № 255.
- ⁶⁵ В 1907 г. С. М. Дудин передал в музей рисунки и чертежи (в количестве 14, размером 32,0 × 23,0 и 20,0 × 15,0 см), которые выполнил во время командировки в Степной край. МАЭ РАН, № И–1446.
- ⁶⁶ МАЭ РАН, № 511 (Кашгар).
- ⁶⁷ МАЭ РАН, № 512 (Кашгар).
- ⁶⁸ МАЭ РАН, № 523, 590 (Алтай).
- ⁶⁹ МАЭ РАН, № 1199 (Акмолинская обл.).
- ⁷⁰ МАЭ РАН, № 2301.
- ⁷¹ МАЭ РАН, № 1919. Подробнее см.: Л. С. Лаврентьева. «Иллюстративные коллекции М. А. Круковского». *Радловский сборник. 2007* (СПб., 2008). С. 275.
- ⁷² МАЭ РАН, № 2519, 2833. В 1915 г. С. М. Дудин исполнил коллекцию негативов с акварельных рисунков А. А. Вороиной-Уткиной 1913 г. (МАЭ РАН, № 2466). Место работы: урочище Былкылдак у притока реки Токрау.
- ⁷³ МАЭ РАН, № 1327, 1399, 1400, 1483, 1707, 1708, 1774, 1775 (Акмолинская обл., Павлодарский уезд).
- ⁷⁴ МАЭ РАН, № И–1905.
- ⁷⁵ Напр., МАЭ РАН, № И–1905–111.